

ГЭЛЕН
ФОУЛИ

*Одна ночь
содлазна*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф81

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Gaelen Foley
ONE NIGHT OF SIN

Перевод с английского *Е. В. Моисеевой*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*
В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Ivy Books,
an imprint of Random House, a division of Penguin Random
House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Фоули, Гэлен.

Ф81 Одна ночь соблазна : [роман] / Гэлен Фоули ;
[перевод с английского Е. В. Моисеевой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. —
(Очарование).

ISBN 978-5-17-114636-8

Обаятельный прожигатель жизни и повеса лорд Алек Найт никогда и не думал жениться и вполне довольствовался легкомысленными связями. Но ему предстояло понять: на свете нет мужчины, который не познал бы однажды боль и радость страстной любви.

Однако покоровившей его сердце девушке, юной и отважной Бекки Уорд, угрожает смертельная опасность: она случайно узнала ужасную тайну, которая может стоить ей жизни, и теперь ее преследует коварный, могущественный и смертельно опасный враг. А вместе с ней рискует и Алек, готовый защищать любимую до последней капли крови...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Gaelen Foley, 2005

© Перевод. Е. В. Моисеева, 2018

ISBN 978-5-17-114636-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Эта книга с любовью посвящается
одному человеку, без которого
я никогда бы не стала писателем.

Благодарю, мама.

Глава 1

Лондон, 1817 год

Откуда-то издалека долетали раскаты грома, но на этой вечерней пустынной улице слышался лишь перестук каблучков убегающей девушки.

Каждый шаг в тонких ботиночках из телячьей кожи болью отдавался в ступнях. Юбки водоворотом крутились вокруг тонких щиколоток, девушка все время боялась наступить на подол и упасть. Прячась от света фонарей на широкой улице, она свернула в мрачный переулок, оглянулась и бросилась дальше — кулачки сжаты, дыхание с трудом вырывается сквозь стиснутые зубы, волосы растрепаны, в глазах — неподдельный ужас.

Всхлипнув, беглянка свернула за угол, попала в темный проулок, тут же вжалась спиной в затененный дверной проем и неподвижно застыла; лишь в панике вздымалась ее грудь. «Не двигайся. Даже не дыши».

Преследователи отставали от нее лишь на какие-то минуты.

И вот она услышала стук копыт бешено скачущих всадников, безжалостных и неотвратимых, как надвигающаяся буря.

Прогрели новые раскаты грома, стекла дома, где пряталась беглянка, задрожали. Девушка съежилась, пытаясь стать совсем незаметной, потому что, когда низкий рокот утих, другие звуки приблизились. И они пугали ее куда сильнее.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок.

Бекки Уорд зажмурила от страха глаза. По лбу скапала капля пота. Узкий проулок заполнили звуки погони: скрип хорошо смазанной кожи, свист и позвякивание смертоносных лезвий, ружей, пик, пистолетов...

Она знала: всадники не собирались ее убивать. Князь хотел, чтобы ее доставили к нему живой. В этом было единственное преимущество ее положения, если, конечно, его можно так оценить.

Бекки вцепилась в смятые юбки и, охваченная ужасом ожидания, стояла, дрожа, в духоте летнего вечера. И вот всадники проскакали мимо и остановились — она слышала это — всего в нескольких ярдах от нее.

Казачьи знали толк в погоне. Князь Михаил Курков послал за ней четырех лучших воинов, а если эти не справятся, он пошлет много других. Она осторожно выглянула и увидела сторбленные силуэты второй пары всадников.

Она знала, как выглядят эти страшные люди. Огромные, закаленные в боях, с густыми бородами и длинными усами. Они были одеты в темно-серые короткие кафтаны, мешковатые брюки, заправленные в черные кавалерийские сапоги. Их лица, загоревшие и загорелые от жизни в седле, были непроницаемы. Слегка раскосые глаза смотрели холодно и деловито. Ей рассказывали, что они происходят от гуннов.

Казачьи переговаривались низкими, рокочущими голосами на языке, которого Бекки не понимала. Она с усилием сглотнула — преследователи разделились на пары, чтобы продолжать поиски. Первые двое отправились вперед, а вторая пара развернула своих быстрых крепких коней в сторону широкой освещенной улицы. Как же она называется? Оксфорд-стрит? Пиккадилли?

Бекки точно не знала. Когда они скрылись из виду, она едва не потеряла сознание — жуткое

напряжение спало, и она почувствовала, что ноги не держат ее.

На долю секунды она позволила себе прикрыть глаза.
«Еще одно чудесное спасение».

Она не знала, хватит ли у нее сил бороться дальше. Четыре дня длилось это преследование. Из города в город. Бекки стремилась на юг, в Лондон. Сегодня она весь день не ела, и сейчас в голове у нее мутилось от усталости и голода. Один только страх заставлял ее сохранять бдительность и бодрствовать. Перед мысленным взором тотчас возникла ужасная картина преступления. Как мог ее могущественный кузен Михаил совершить такое? Хладнокровно убить человека?

А хуже всего то, что Бекки тоже чувствует себя отчасти виновной. «Если бы только я не вмешалась...»

Она содрогнулась и снова открыла глаза, рука инстинктивно ухватилась за маленькую раковину, которая висела на ленте у нее на шее. Этот последний подарок отца сумел придать ей новые силы и мужество. Надо бороться. Она должна добраться до герцога Уэстленда раньше, чем ее разыщут казаки.

Как лорд-лейтенант западного полка Йоркширской конницы, именно его светлость должен был заниматься Михаилом, ведь убийство совершено в зоне его юрисдикции. Из-за высокого положения своего кузена Бекки даже не пыталась обращаться к чиновникам низшего уровня. Никто, кроме очень могущественного человека, не посмеет обвинить наполовину русского князя, который к тому же недавно унаследовал от дедушки Бекки британский титул графа. Старый Уэстленд был известен своим мужеством и прямоотой. Бекки надеялась, что он добьется справедливости в отношении Михаила, но только если она, Бекки, сумеет получить у Уэстленда аудиенцию и сообщить о преступлении.

Ей было известно, как заносчиво способны вести себя аристократы. Четыре дня бегства очень изменили ее внешность. Сейчас она больше походила на нищенку, чем на девушку благородного происхождения, а потому сомневалась, примут ли ее у герцога. Мысль о том, что ее могут выгнать, казалась настолько ужасной, что Бекки решила об этом даже не думать, а лишь напомнила себе, что Уэстленд знал ее деда. Правда, они были скорее политическими соперниками, чем союзниками, однако Бекки надеялась, что имя деда заставит великого вига ее выслушать.

К несчастью, девушка никогда прежде в Лондоне не была и понятия не имела, как найти Сент-Джеймсквер, где, как она слышала, располагается городская резиденция герцога, а ее поспешное бегство от преследователей тем более затрудняло ее задачу. Михаил не собирался дать Бекки возможность разоблачить его преступление. Нет, у него были на нее совсем другие виды.

Привыкнув к покорности крепостных девушек, князь был охвачен жадной смирить нрав своей кузины. Однажды он схватил Бекки за горло и горячим шепотом в самое ухо сообщил, как накажет ее за неповиновение. «Любимая, я научу тебя подчиняться». Смерть деда превратила Михаила в законного опекуна Бекки, но он сильно ошибается, если думает, что она будет принадлежать ему как рабыня. Бекки скорее умрет, чем покорится тем грубым радостям, которые он обещал. Эта мысль укрепила ее отчаянную решимость.

Облака, бешено несущиеся по небу, угрожали дождем. Бекки вздрогнула и плотнее закуталась в оливкового цвета ротонду. Она поняла, что надо искать приют. Продолжать поиски сейчас было бессмысленно. Самое разумное — это найти место для скромного ночлега, чтобы до утра спрятаться от казаков и укрыться от приближающейся непогоды. Ей нужно найти

ночлег раньше, чем разразится гроза. Она понимала, что надо спешить. Вершины деревьев за высокими стенами частных садов богатых обитателей города буйно раскачивались. Во влажной духоте было трудно дышать.

Особняки с нарядными фасадами не обещали приюта за пиками своих кованых оград. Бекки согласилась бы переночевать на сеновале, однако все проходы к конюшням были крепко заперты. Разумеется, думала девушка, внучке английского графа не пристало ночевать на конюшне, и она устало брела дальше. По одной улице, по другой.

В этот момент небо загрохотало совсем близко, за сверкали частые молнии, сверху упали первые потоки дождя. Бекки вскрикнула. Ливень словно бы пробудил ее и заставил двигаться.

Она перебежала улицу в надежде спрятаться в первом же укромном уголке, уже не думая, частное это владение или нет. На углу стоял величественный особняк, почти дворец. Его фасад был украшен портиком на столбах. В этот поздний час почти все окна в доме были темными. Бекки решила, что даже если владельцы не спят и заметят ее, они не окажутся настолько бессердечными, чтобы не позволить ей переждать непогоду под крышей их портика.

Через мгновение она уже вытирала с лица струи дождя и рассматривала элегантную площадь, открывающуюся с парадного крыльца здания. «Пожалуй, здесь можно провести ночь», — думала Бекки.

Испустив вздох облегчения, она откинула голову к кирпичной стене и прикрыла глаза — ей показалось, что только на миг... Она совсем не собиралась спать.

Через час гроза утихла, сменившись проливным дождем. Размытые пятна света от кованых фонарей вдоль Оксфорд-стрит освещали потоки

струй, уносимых слабеющим ветром. Улицы Уэст-Энда стали еще более пустынными, лишь вдаль появилась черная коляска, которая одиноко катилась сквозь непогоду. Четверка великолепных черных лошадей в шорах влекла этот элегантный экипаж.

Внутри коляски царило настроение порочного веселья. Четверо ее пассажиров — светские львы, повесы и прожигатели жизни — имели репутацию искателей приключений и гедонистов. Все четверо — высокие, атлетически сложенные и безупречно одетые молодые люди в самом расцвете сил — вольготно раскинулись на обитых шелком сиденьях, и живая беседа не умолкала на этом островке комфорта в океане ненастья.

— Перестань грохотать этой дурацкой коробкой с костями.

— Ну нет. Мне нужно хорошенько их смешать, чтобы отыграть то, что я проиграл у Молино. Так что сегодня я собираюсь заполучить свои денежки, и твои, кстати, тоже.

— Тебе мало того, что ты увел у меня любовницу? Кстати, как она?

— Чудесно. Только ты ее вконец избаловал. Дьявольски дорогая игрушка. Дай мне знать, если надумаешь взять ее обратно.

— Нет уж, благодарю.

Раздался взрыв сардонического смеха. Четырем бездельникам в коляске непогода была нипочем.

Высокородные повесы, связанные узами родства с лучшими семействами Англии, они искали в жизни лишь удовольствий. Эти баловни судьбы привыкли к тому, что с самого рождения толпы слуг исполняют их малейшие фантазии. Все четверо познакомились в Итоне и с тех пор сохраняли тесную дружбу. Светское общество

относилось к ним снисходительно, несмотря на опасность, которую представляли эти молодые

люди — за ними числились десятки дуэлей, а количество соблазненных женщин доходило до сотни. Их присутствие на рауте обеспечивало вечеру успех, а пренебрежение сулило крах.

Нынешним вечером они оказали честь леди Эверли, появившись у нее на балу. Бал у Эверли был одним из последних событий лондонского сезона, после чего все общество в своем вечном поиске удовольствий перебиралось на лето в Брайтон.

Почтив бал своим недолгим присутствием, наши денди все же успели дать пищу сплетникам, смутив своими дерзкими ухаживаниями нескольких дебютанток сезона с притворно-скромными манерами. Выпив на дорогу, молодые люди раскланялись с разочарованными лицами, что было, разумеется, лишь позой.

Снова оказавшись в тесной мужской компании, друзья отбросили заносчивую небрежность и сейчас направлялись в особняк лорда Драксингера на Ганновер-сквер, намереваясь провести ночь за игрой.

Следом должен был появиться еще один экипаж с гостями, но графу хотелось вернуться пораньше — убедиться, что слуги подготовили все необходимое для приема друзей с обычной своей щедростью.

А позже, уже ночью, они непременно пошлют за девицами.

Лорд Алек Найт наизусть знал всю процедуру, она никогда не менялась.

Светловолосый предводитель честной компании смотрел в окно экипажа на залитые дождем улицы и едва слушал шумные пререкания приятелей.

Алек и сам не понимал, что с ним такое.

Он бы уехал домой, если бы полагал, что там будет лучше, но молодой человек отлично сознавал: хандра пойдет за ним следом.

— Ты будешь сегодня играть или все еще со-

блюдаешь зарок? — Молчание. — Эй, Найт? — Толчок в бок локтем. Алек очнулся и с отсутствующим видом повернулся к Форту:

— Да?

— Да что с тобой сегодня? — удивился Драксингер его рассеянности. — Ты уже несколько дней сам не свой.

— Точно, — согласился Раш, черноволосый наследник титула маркиза. — Я думал, ты насквозь проткнешь шпагой бедного Блейксвелла сегодня на тренировке у Анжело.

— В следующий раз точно проткну, если он не будет работать над защитой, — с холодом в голосе отозвался Алек.

— Оставь его, Раш. Видишь, у него снова хандра, — вмешался Форт.

— А я вот что скажу, — заявил Форт и похлопал Алекка по спине. — Все, что нужно нашему дорогому другу, — это женщина погорячее. Пардон, не так. Нужна необузданно похотливая, буйная шлюха. Пусть она час-другой потанцует у него на коленях джигу, и наш приятель забудет некую мисс Карлайл. Я серьезно, — запротестовал он в ответ на одобрительный хохот спутников.

— Отличный совет! Вперед, мой мальчик! Завтра будешь снова весел и здоров.

— Выше нос! — воскликнул Дрэкс. — Отличное лекарство! Только оно лечит у мужчины все хвори.

— Думаешь, я его не пробовал? — отозвался Алек.

— Когда это? — вмешался Раш.

Алек тяжело вздохнул и отвел глаза.

— Колись, дружище! Ты с самой ее свадьбы ведешь себя как монах, а это, мягко выражаясь, на тебя не похоже.

Дрэкс подался вперед.

— Объясни, в чем дело, старик. Мы же друзья.

12 Разбитое сердце?

— Вовсе нет. Она счастлива. Я счастлив за нее. Конец истории.

— Что-нибудь подцепил? Влип в историю?

— Да нет же, господи! Ничего подобного, Дрэкс! — Алек нахмурился и повернулся на сиденье.

— Ему ведь не восемнадцать, — хлопая карими глазами, заступился за Алека вечно лояльный Форт. — У нас всех теперь хватает ума не лезть в битву без доспехов.

— Это точно, — пробормотал Алек.

— Тогда что? — Дрэкс недоуменно смотрел на приятеля голубыми, прозрачными, как лед, глазами.

Алек ответил упрямым взглядом, но не произнес ни слова. Во всех проделках он всегда был предводителем. Так где же теперь найти слова, чтобы объяснить друзьям, что эта вечная охота за наслаждениями стала казаться ему вдруг невыносимо... бесцельной?

Однако жаловаться на хандру бессмысленно. Весь Лондон завидует Алеку и его друзьям, их блестящему образу жизни на самой вершине светского общества. За ними гоняются женщины, им подражают мужчины. Безусловно, эта болезненная жажда чего-то большего неуместна. Несмотря на потери за карточным столом, Алек сознавал, что и так получил от жизни больше, чем может пожелать любой разумный человек.

А с другой стороны, когда это он был разумным человеком?

Друзья ждали объяснений, но Алек только отмахнулся, не желая обсуждать с ними охватившее его разочарование.

Если не говорить о нем вслух, может быть, это непонятное чувство развеется само собой?

Наконец после недолгого молчания, изогнув губы в кривой улыбке, он произнес:

— Похоже, мне просто нужно поскорее загнать в док своего молодца.

— Вот и умница! Послушный малыш! Так-то лучше!

— На-ка, выпей. — Дрэкс, владелец экипажа, открыл поставец атласного дерева, выбрал бутылку в слабом свете горящих в карете ламп и налил Алеку хрустальный бокал драгоценного французского коньяка.

Алек кивком поблагодарил друга, сделал мощный глоток и передал бокал Рашу.

Тем временем Форт взял с сиденья «Путеводитель по борделям», поднес его к дрожащему свету лампы и, прищурившись, стал пробегать глазами страницы бесконечных адресов и имен.

— Ага, давайте же составим меню ночного праздника, — жизнерадостно произнес он. — В качестве аперитива я бы начал с близняшек Саммерсон...

— Отличный выбор! — промурлыкал Дрэкс.

— Так... Теперь первое блюдо. Эта испанская сеньорита выглядит заманчиво. Зовут Бьянка. Она новенькая, но я уже слышал о ней хвалебные отзывы. А на гарнир Кейт Госсетт. Эта никогда не подведет. М-м-м... Очень аппетитная особа!

— Отлично! Мне она нравится, — поддержал друга Раш. — У нее в корсете настоящая молочная ферма.

— Точно. Прекрасная грудь. Теперь второе блюдо. Ну, тут, думаю, подойдут четыре сестрички Вильсон...

— Не-е-ет... мне они надоели, — запротестовал Раш. — Что-нибудь еще... Новенькое...

— Да-да, — задумчиво отозвался Алек. — «Что-нибудь новенькое».

Друзья вновь углубились в пустые пререкания, а Алек задумался над их советом. Кто знает, может быть, они правы и ночь в борделе — это как раз то, что ему требуется даже больше, чем игра? Алек любил секс, ценил его, в конце концов, жил для секса, но любви страшился хуже чумы.

Конечно, наставлять рога тем, кто в чем-то превосходит тебя, — неплохой спорт, но даже это

ему наскучило. Да, плохи его дела... Мысль о бессмысленной возне с еще одной шлюхой с жесткими, жадными глазами чуть не затопила его новой волной «настроения».

Алек никогда не сказал бы этого вслух, но со времен своей очень прибыльной интрижки с леди Кампьюн, имевшей место несколько месяцев назад, профессиональные шлюхи стали его смущать; Алек полагал, что продажные женщины каким-то образом забирают те остатки совести, какие у него еще сохранились.

В свое время он со смехом рассказывал друзьям о тех услугах, которые ему приходится оказывать богатой баронессе. К счастью, та была ненасытна и, что еще лучше, дала Алеку возможность избавиться от карточных долгов. Их скандальная связь заставляла многих недоумевать, но Алеку, как обычно, все сошло с рук. Ведь он — Алек Найт, и ему всегда все прощалось.

Ссылка стала уделом его друзей — лорда Байрона и Красавчика Браммеля. Одного недавно сослали из-за скандала, другого загнали туда долги. Алеку достался золотой трон правящего светского льва, и, несмотря ни на что, он его сохранил. В конце концов, человека делают стиль, деньги, класс, а вовсе не добродетель.

Разумеется, его семья тоже была шокирована скандальной связью с этой бесстыжей баронессой, но, с другой стороны, они должны были ждать чего-нибудь подобного с той поры, когда глава клана Роберт, герцог Хоксклифф, урезал средства Алека в тщетной попытке привести юного денди в повиновение. Что ж, философски рассуждал Алек, длань Роберта подает и длань Роберта отнимает, но подчиниться диктату семейного богатства отказывался. Присущая Алеку бравада никогда бы не позволила ему устыдиться той роли племенного жеребца, которую ему довелось играть при ее светлости, однако в последние дни ему что-то совсем не хотелось смотреться в зеркало. А все потому, что